

УДК 343.01

К ВОПРОСУ СООТНОШЕНИЯ ОБЩЕЙ И СПЕЦИАЛЬНОЙ ПРЕВЕНЦИИ И СРЕДСТВАХ ИХ ДОСТИЖЕНИЯ

А. М. Сысоев

кандидат психологических наук, доцент,
начальник факультета профессионального обучения
и дополнительного профессионального образования
Академии права и управления ФСИН России (г. Рязань)

В представленной статье рассматриваются различные подходы к определению превенции как основной цели уголовного наказания. Автор, рассматривая средства реализации общей и специальной превенции, приходит к выводу об ограниченности общей превенции, где устрашение наказанием является главным средством ее достижения, а также о возрастающей роли превенции специальной, в которой исправление осужденного, а равно его дальнейшая социальная интеграция (ресоциализация), являются показателями, которые могут свидетельствовать о достижимости указанной цели.

Ключевые слова: цели наказания, общая превенция, специальная превенция, устрашение наказанием, исправление осужденного, ресоциализация правонарушителя.

Достижение превенции является исторически устоявшейся целью уголовного наказания и тем не менее одной из наиболее спорных с точки зрения как ее реализации, так и определения критериев ее достижимости. Многие исследователи определяют предупреждение преступлений как приоритетную цель наказания. Так, С. В. Познышев писал: «Наказание может иметь лишь одну цель, вытекающую из установленного выше взгляда на него как на орудие предупреждения преступлений. Если поставить наказанию несколько целей, то они или объединятся в одной общей идее, или, если останутся самостоятельными, будут в непримиримом противоречии и антагонизме друг с другом: из каждой из них будут вытекать свои особые требования» [1, с. 52]. Профессор А. А. Жижиленко, рассматривая превентивное значение целей наказания в качестве основополагающих, определял их как охрану правопорядка, правовое воспитание населения и особо выделяемую специальную цель — устрашение наказанием [2, с. 38]. М. Д. Шаргородский также полагал, что целью наказания является только предупреждение преступлений, а принуждение (устрашение) и убеждение (воспитание) — это средства, которыми эта цель достигается [3, с. 193].

Со времен принятия «Constitutio Criminalis Carolina», оказавшего влияние на формирование общеевропейского уголовного законодательства, цель наказания определяется как воздействие на массы путем устрашения наказанием (пп. CXXX, CXXXVII) [4]. И российское законодательство, длительное время развивавшееся в условиях изоляции, определяя в качестве основной цели наказания устрашение им неопределенного круга субъектов, не являлось исключением. Так, в Уложении царя Алексея Михайловича постоянно упоминается цель всякого наказания — «чтобы на то смотря иным не повадно было так делати» [5, с. 66]. Общепревентивный эффект, достигаемый через устрашение наказанием, выступал важным элементом сдерживания преступности, тем самым определяя основную цель наказания в ранних правовых актах Российской империи. А. Н. Филиппов отмечает: «Устрашение было основной целью узаконений петровского времени о наказании, причем эта цель достигалась то жестокостью кары, то их осрамительным характером. В исключительных случаях эта цель переходила в истребление преступников, что случалось тогда, когда законодатель, испробовав все меры страха и угроз, думал лишь о том, как бы скорее и решительнее покончить со злом» [6, с. 24].

Такая связь устрашения наказанием и достижения цели общей превенции неслучайна — в одном из учебников отечественного уголовного права Л. А. Цветаева (1825 г.), где впервые встречается упоминание о целях наказания, а именно «возмездие за нарушение закона», «удержание преступника от подобных нарушений» и «удержание его сограждан от оных внушением страха через наказание» [7, с. 16–17], реализация достижения превенции также прямо связана с устрашением наказания.

В Своде Российской империи 1831 г., Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Уголовном уложении 1903 г., несмотря на отсутствие отдельного упоминания о целях наказания, законодательство было направлено именно на достижение цели общей превенции, где устрашение наказанием, выраженное в его публичности и жесткости, играло значимую роль.

Неудивительно, что общепредупредительное воздействие наказания традиционно в правовой науке советского периода связывалось прежде всего с угрозой наказания в законе. Как отмечал Б. С. Утевский, «каждый случай назначения и выполнения приговоров по уголовным делам одновременно оказывает специальное предупреждение в отношении самого наказанного и общее предупреждение в отношении неустойчивых элементов» [8, с. 455]. Механизм общепреventивного действия, по мнению А. А. Пионтковского, заключается в достижении путем угрозы наказания и его фактического применения к данному преступнику, двоякого рода карательных эффектов в психике всей массы граждан, не совершающих преступление, а именно воспитательного, который вырабатывает необходимое «правовое убеждение», и мотивационного, который выступает в качестве мотивации для удержания неустойчивых лиц от совершения преступления [9, с. 17]. Таким образом, исходя из представленного понимания целей наказания, общая и специальная превенция не противопоставляются, а сопутствуют друг другу.

Проблема соотношения общей и частной превенции издавна вызывала многочисленные споры. Достижение общей превенции путем устрашения неопределенного круга лиц предполагала жесткость и публичность наказания конкретного преступника. И если изначально цель специальной превенции предполагала физическое устранение правонарушителя, то последующая эволюция взглядов на природу преступности привела к пересмотру ориентиров на ее реализацию, причем цель исправления лица здесь изначально не ставилась, а помещение в условия изоляции рассматривалось, с одной стороны, как пресечение противоправной деятельности лица, с другой — как достижение того же эффекта устрашения в процессе реализации наказания как способа предупреждения преступлений. Такой подход укладывается в теорию психологического принуждения П. А. Фейербаха, согласно которой угроза наказания должна создать противовес склонности к совершению преступлений, а сама угроза получает реальную силу только в случае фактического применения наказания. Традиционно считается, что цель общего предупреждения преступлений достигается воспитательным и мотивирующим действием на социум: а) угрозой применения принудительных мер; б) исполнения этой угрозы в отношении лиц, совершивших социально опасные деяния [10, с. 20]. Таким образом, именно публичность реализации наказания и его показательная карательность являлись неотъемлемым атрибутом, способствующим достижению общей превенции. И сегодня в странах мусульманского мира, которые демонстрируют низкий уровень преступности, довольно часто присутствуют публичные телесные наказания правонарушителей, рассчитанные на демонстративный эффект.

Вместе с тем сам подход к определению основной цели наказания как достижению общей превенции ограничен ввиду как самого характера уголовно-правового воздействия, так и его субъектов — неопределенного круга лиц. Содержание общего предупреждения основано на факте применения наказания к конкретному лицу, совершившему преступление, и этот факт должен оказывать превентивное воздействие на других граждан — «наказывая одного, устрашаю многих». Угроза наказанием должна

создать противовес склонности к совершению преступлений: наказание противопоставляется выгоде, ожидаемой преступником от совершения преступления, а сама угроза получает реальную силу благодаря фактическому применению наказания, но спорным суждением является то, что ужесточение наказания целесообразнее, так как обладает большим потенциалом в части предупреждения преступлений. Если исходить из тезиса, что эффективность общепреventивного воздействия наказания определяется силой воздействия уголовного закона на население, то следует признать, что такое воздействие не представляется возможным измерить практически, а попытки определить его эффект исходя из сравнения уровня и динамики преступности носят умозаключительный характер и не учитывают многих социальных переменных.

Исходя из целей наказания, заявленных в ч. 2 ст. 43 УК РФ, основная цель уголовного наказания — именно устрашение лица возможностью подвергнуться каре в случае совершения им преступления, то есть речь идет прежде всего об общем предупреждении. При этом сам подход к «удержанию» от преступления путем устрашения наказанием подвергается закономерной критике в первую очередь ввиду того, что «либеральной публично-правовой теории возмездия и устрашения противостоит охранительное и исправительное учение как социальная уголовно-правовая теория» [11, с. 182].

Предупреждение совершения новых преступлений как цель наказания, некоторыми исследователями определяется как идеальная, единственно возможная и вполне достижимая в процессе назначения и исполнения наказания. Определение единой цели наказания во многом основывается на суждении, что «провозглашая приоритетной какую-либо одну цель, законодатель пренебрегает другой» [12, с. 195], а также тем, что именно предупреждение преступлений, как никакая иная цель, является взаимосвязанной и взаимозависимой с иными, в частности с исправлением осужденного, которая предполагает индивидуализацию исправительного воздействия в процессе реализации наказания. Еще С. П. Мокринский отмечал, что «предупреждение специальное, имея задачей воздействовать на конкретную указанную личность, требует естественно и величайшей индивидуализации употребляемых мер воздействия» [13, с. 33].

В советский период относительно достижения специального предупреждения доминировало представление (М. Д. Шаргородский, Н. А. Беляев, М. И. Ковалев, Н. Ф. Кузнецова) о наличии двух положительных результатов, которые могут быть достигнуты наказанием:

во-первых, лицо, отбывшее наказание, не совершает вновь преступление, так как боится наказания, которое оно уже испытало, то есть наказание в этом случае достигло цели специального предупреждения, хотя субъект и не может быть признан морально исправившимся;

во-вторых, лицо, отбывшее наказание, не совершает вновь преступления, так как осознало порочность своего предшествующего поведения, то есть наказание в этом случае достигло цели специального предупреждения, и субъект морально исправился. Указанный результат является предпочтительным, так как применение наказания «в отношении специального предупреждения заключается в том, что осужденный осознает порочность своего поведения, порицает его» [14, с. 318].

Подобную точку зрения разделяют и современные авторы, которые, рассматривая эффект специального предупреждения преступлений, полагают, что он достигается как за счет лишения осужденного физической возможности совершения нового преступного деяния (например, назначения лишения свободы с его отбыванием в тюрьме), так и путем исправления осужденного и формирования в его сознании убеждения в повышенной ответственности за рецидив преступлений [15, с. 23].

Такое различие связано с особенностями подходов к определению частной превенции посредством выделения средств ее достижения. Согласно первому подходу, частное предупреждение, а также исправление осужденного являются самостоятельными

целями наказания, при этом цель частного предупреждения ставится лишь до тех пор, пока не достигнута цель исправления. Так, Н. А. Беляев, признавая, что цель частного предупреждения ставится только в отношении лиц, совершивших преступление и осужденных к мерам уголовного наказания, рассматривает достижение цели частного предупреждения двумя путями: а) преступник лишается физической возможности совершить преступление; б) преступник устрашается фактом применения к нему наказания за совершенное преступление [16, с. 339].

Представитель второго подхода Л. Д. Гаухман, указывая, что критерием достижения такой цели, как исправление осужденного, является факт несовершения осужденным новых преступлений, полагает, что цель исправления осужденных поглощает цель частной превенции [17, с. 254]. Таким образом, исправление является основной целью, а достижение специальной превенции понимается как ее составная часть.

Третьей точки зрения придерживался М. Д. Шаргородский, который утверждал, что конечной целью наказания является исключительно предупреждение преступления (общее и специальное), где предупреждение (угроза) и убеждение (воспитание) — это средства, путем которых достигается желаемая цель. Несмотря на то, что исправление является одной из первоначальных целей наказания, в то же время оно является и средством предупреждения совершения преступлений [18, с. 33]. Сходной точки зрения придерживается А. В. Наумов, который отмечает, что исправление осужденных предполагается с единственно утилитарной целью — воздержания от совершения преступления [19, с. 170]. Таким образом, исправление выступает как средство достижения цели специальной превенции.

Возражением на такой подход можно считать точку зрения А. Е. Наташева, который отмечает, что:

– во-первых, исправление может быть достигнуто не во всех случаях и если бы это было не так, то указание на специальное предупреждение оказалось бы излишним;

– во-вторых, исправление и перевоспитание — процесс, характеризующийся значительной протяженностью во времени, а до его завершения частнопредупредительная функция имеет весьма важное значение;

– в-третьих, в случаях когда речь идет о наказаниях, связанных с исправительно-трудовым воздействием, в режим их отбывания законодатель вводит дополнительные элементы, преимущественно направленные на предупреждение повторных преступлений [20, с. 20].

Подобные доводы, несмотря на их спорность, заслуживают внимательного рассмотрения.

Во-первых, организация исправительного воздействия в условиях пенитенциарного учреждения направлена в первую очередь на формирование у осужденного установок правопослушного поведения. Относительно исправления правонарушителя существуют два подхода — «правовое» исправление, где значим сам факт непривлечения к уголовной ответственности лица повторно, и «моральное» исправление, где ведущую роль занимает исправительное воздействие наказания как сочетание воспитательных элементов с карательными, при котором лицо осознает неправомерность своего поведения, что ведет к позитивным изменениям личности, формированию установок правомерного поведения, следствием чего является отказ от совершения преступления в последующем. В обоих случаях конечным результатом является достижение специальной превенции, а следовательно, исправление правонарушителя выступает как средство ее реализации.

При этом если факт отсутствия рецидива, то есть «правового» исправления, вполне выявляем, то неопределенность критериев достижения исправления правонарушителя в процессе исполнения им наказания очевидна. Признание вины в совершенном преступлении или справедливости назначенного наказания, участие в общественной жизни, сотрудничество с администрацией ИУ, соблюдение правил распорядка дня, отсутствие

взысканий и наличие поощрений и т. д. — все это лишь проявления поведенческой активности субъекта, которая не является отражением его «морального» облика, свидетельствующем о факте достижения исправления в процессе исполнения назначенного наказания. Учитывая, что предложенные критерии оценки исправления работают только в условиях исправительного учреждения, очевидно, что такое поведение осужденного — это не столько акт «доброй воли» лица, а вынужденное приспособление к внешним условиям социальной среды, регламентирующим его поведение. Поэтому нет никаких гарантий того, что после устранения условий, сдерживающих криминальные установки личности и ограничивающие условия совершения преступления, осужденный сделает осознанный выбор в пользу правопослушного поведения. В этой связи само рассмотрение достижения цели исправления осужденного путем фиксации поведенческой активности субъекта в процессе исполнения им наказания представляется спорным.

Во-вторых, не отрицая факта длительности исправительного воздействия как реализации цели исправления правонарушителя, мы полагаем, что исправление не является единственным средством достижения специальной превенции. Соглашаясь с Г. Ю. Маннсом, что цель исправления преступника приобретает значение позже других целей и тесно связана с институтом лишения свободы, влияя на организацию мест заключения и определяя характер и способы воздействия на осужденных [10, с. 20], мы полагаем, что устранение условий для совершения преступления путем применения наказания по отношению к правонарушителю является важным средством достижения специальной превенции на первоначальном этапе. Однако говорить о достижении специальной превенции только осуществлением изоляции преступника, помещением его в пенитенциарное учреждение является явным ограничением понимания частнопревентивной функции наказания. Взаимодействие средств карательного и воспитательно-характера, применяемых в условиях исправительного учреждения, преследует фактически одну цель — удержать лицо от совершения преступления в последующем. Таким образом, мы разделяем мнение, что цель предупреждения преступлений достигается деятельностью по двум взаимосвязанным направлениям — недопущение преступлений со стороны осужденных во время отбывания наказания, что выражается в лишении осужденного возможности совершить новое преступление, а также предупреждение новых преступлений правонарушителем в период после отбытия им наказания, которое является реализацией исправительного процесса.

В этой связи возникают закономерные вопросы: возможно ли утверждать о неравноценности целей наказания? можем ли мы говорить о выделении одной, единственной цели наказания? разумно ли говорить о соподчиненности целей наказания, выделяя первостепенные и второстепенные, подразделяя их на цели и фактические средства? Вспомним И. Я. Фойницкого и П. И. Люблинского, которые полагали, что пользоваться наказанием как специфической мерой государство может и в целях возмездия, и в целях устрашения, исправления, защиты общества и предупреждения преступлений, однако эти цели не разделяются механически, а существуют в той или иной степени в каждом наказании [21, с. 68]. «Исследователь не может подходить к изучению карательных систем с одной предвзятой идеей о целях наказания. Он может только считая значение какой-либо задачи несоразмерно преуменьшенной подчеркнуть ее роль для дальнейшего развития» [22, с. 511]. Несмотря на то, что достижение превенции (общей и специальной) как цели наказания кажется некоторым авторам идеальным и даже возможным с позиции оценки эффективности ее достижения, мы полагаем, что подход, согласно которому уголовное наказание способно обеспечить достижение только одной цели, основанный на суждении, что сами попытки обозначения нескольких целей видятся бесперспективными, так как их содержательная обособленность предполагает формирование самостоятельных путей и средств достижения [23, с. 84], является ограниченным. Более логичным представляется подход, подразумевающий определение приоритетов целепо-

лагания, где наряду с общей доминирующей целью наказания — достижение общей и специальной превенции — возможно закрепление иных — частных, способствующих ее реализации, в частности исправления правонарушителя.

При этом если в уголовном праве достижение общей превенции выраженное в устрашении наказанием и уровне правового сознания населения, является значимой целью наказания, то в уголовно-исполнительном праве доминируют цель достижения специальной превенции, которая реализуется такими средствами, как исправление лица и его социальная интеграция после отбытия им наказания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Познышев, С. В. Основные начала науки уголовного права / С. В. Познышев. — М. : Издание Карцева, 1912. — 668 с.
2. Жижиленко, А. А. Очерки по общему учению о наказании / А. А. Жижиленко. — Петроград : АСADEMIА, 1923. — 110 с.
3. Курс советского уголовного права: в 5 т. / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. — Л. : Изд-во Ленинградского государственного университета, 1970. — Т. 2. — 672 с.
4. Каролина. Уголовно-судебное уложение Карла V: Перевод С. З. Зиманова. — Алма-Ата : Наука КазССР, 1967. — 152 с.
5. Сергеевский, Н. Д. Русское уголовное право. Часть Общая. Издание шестое / Н. Д. Сергеевский. — СПб. : Типография М. Стасюлевича. 1905. — 368 с.
6. Филиппов, А. Н. О целях наказания по узаконениям Петровского царствования / А. Н. Филиппов // Юридический Вестник. — 1890. — Том V. — № 5–6. — С. 3–41.
7. Цветаев, Л. А. Начертание теории уголовных законов / изданное для употребления учащихся профессором Львом Цветаевым / Л. А. Цветаев. — М. : В Университетской типографии, 1825. — 82 с.
8. Уголовное право. Общая часть / под науч. ред. В. Д. Меньшагина. — М. : Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. — 575 с.
9. Пионтковский, А. А. Меры социальной защиты и Уголовный кодекс РСФСР / А. А. Пионтковский // Советское право. — 1923. — № 3 (6). — С. 12–52.
10. Маннс, Г. Ю. Общее и специальное предупреждение в уголовном праве / Г. Ю. Маннс. — Иркутск : Власть труда, 1926. — 72 с.
11. Радбрух, Г. Философия права / Г. Радбрух. — М. : Международные отношения, 2004. — 240 с.
12. Казакова, В. А. Цели наказания и их реализация в России и зарубежных странах / В. А. Казакова // Вестн. Москов. гос. лингвистического ун-та. Образование и педагогические науки. — 2019. — Вып. 2. — С. 193–204.
13. Мокринский, С. П. Наказание, его цели и предположения. Часть I: Общее и специальное предупреждение преступлений / С. П. Мокринский. — М. : Университетская типография, 1902. — 157 с.
14. Советское уголовное право. Общая часть / под ред. Н. А. Беляева, М. И. Ковалева. — М. : Юридическая литература, 1977. — 544 с.
15. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Ф. Р. Сундурова, И. А. Тарханова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2009. — 751 с.
16. Беляев, Н. А. Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях / Н. А. Беляев // Избранные труды. — СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. — 569 с.
17. Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. Л. Д. Гаухмана, С. В. Максимова. — М., 2004. — 704 с.
18. Шаргородский, М. Д. Наказание, его цели, эффективность / М. Д. Шаргородский. — Л. : Изд-во Ленинград. гос. ун-та, 1973. — 160 с.
19. Наумов, А. В. Эффективность уголовно-правового, уголовно-процессуального, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности как реализации и взаимосвязь функций (целей, задач) их отраслевых правовых установлений / А. В. Наумов // Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности : материалы XII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 28–29 мая 2020 г. — М. : Юрлитинформ, 2020. — С. 169–174.

20. Наташев, А. Е. Советское исправительно-трудовое законодательство. Основные вопросы теории и практики / А. Е. Наташев. — М. : ВНИИ МВД, 1975. — 168 с.
21. Фойницкий, И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением / И. Я. Фойницкий. — М. : Добросвет — 2000 ; Городец, 2000. — 464 с.
22. Люблинский, П. И. Очерки уголовного суда и наказания в современной Англии / П. И. Люблинский. — СПб. : Сенатская типография, 1911. — 715 с.
23. Лапшин, В. Ф. Истинная цель уголовного наказания и критерии ее достижимости / В. Ф. Лапшин // Журнал российского права. — 2018. — № 5. — С. 75–85.

Поступила в редакцию 15.06.2020 г.

Контакты: sam3110@gambler.ru (Сысоев Александр Михайлович)

Sysoev A. M.

ON THE QUESTION OF THE RATIO OF GENERAL AND SPECIAL PREVENTION AND THE MEANS TO ACHIEVE THEM

This article discusses various approaches to the definition of prevention as the main goal of criminal punishment. The author, considering the means to implement General and special prevention, comes to the conclusion about the limited prevention General deterrence where the punishment is the main means of achieving it, and about the growing role of special prevention, in which the correction of the convict, as well as their further social integration (socialization) are indicators, which may indicate the reachability of the specified target.

Keywords: *goals of punishment, General prevention, special prevention, deterrence punishment, correction of the convicted person, re-socialization of the offender.*